

Глава 40. Разве мастер женского переодевания может быть таким милым? (10)

Чжоу Вэй стиснул зубы и дотерпел до конца.

Только собрался продолжить — и густой мужской голос, чёткий и внушительный, неспешно принялся за второе стихотворение.

— «Горная прогулка».

— Тропинка вьётся в гору — там, где холод и мгла, / Сквозь белые облака проглянули чьи-то дома. / Я встал — и закат над кленами пылал: / Листья в инее алее первых цветов весны.

Чжоу Вэй сжал кулак.

Короткая пауза.

Ведущий, вложив в слова всю душу, перешёл к третьему стихотворению.

— «Снимок у грота Бессмертных на горе Лушань».

— В сумерках гляжу на стойкие сосны, / Тучи несутся — я невозмутим. / Само небо вздыбило грот Бессмертных — / Бескрайние красоты на вершинах крутых.

Твою мать.

Чжоу Вэй сжал кулак, грохнул им о кровать и окончательно вышел из себя. Найдёт того, кто это устроил, — живым не выпустит!

Он поднялся, чтобы выключить колонку. Чэн Пан воспользовался моментом — кинулся вниз, рванул к входной двери, принялся крутить замок. Крутил, крутил — не открывается. А Чжоу Вэй уже закончил с колонкой. Пан в панике взмок — его хризантема не должна быть сорвана ни при каких обстоятельствах!

Осенённый внезапной идеей, он метнулся в туалет и задвинул щеколду.

— Выходи! — Чжоу Вэй забарабанил в дверь.

Телефона при себе нет, подмогу не вызвать.

— Выходи, кому говорю!

— Пообещай, что не тронешь — тогда выйду! — крикнул Чэн Пан в ответ.

Чжоу Вэй промолчал. Постукивание трости удалилось, сменившись грохотом выдвигаемых ящичков — явно искал ключ.

Чэн Пан затравленно огляделся. И вдруг глаза его загорелись: в ванной было окно. Самое обычное — без решёток.

Он навис над подоконником и глянул вниз: там раскинулся большой навес с зонтом. У ванны стоял маленький табурет — наверное, Чжоу Вэй поставил его, чтобы удобнее было мыться с больной ногой. То, что нужно.

Чжоу Вэй нашёл ключ от туалета, открыл дверь.

— Опасно! Немедленно слезай! — вскрикнул он, увидев, что Чэн Пан уже наполовину высунулся в окно.

Чэн Пан вцепился в подоконник, и сердце у него ёкало. Страшно — чего уж там. Расстояние до навеса казалось небольшим, но мало ли — вдруг промахнётся? Вдруг проломит тент? Падать на асфальт — удовольствие ниже среднего.

Он сглотнул.

Взглянул на Чжоу Вэя. Взглянул на навес.

Снова на Чжоу Вэя. Снова на навес.

В голове шла нешуточная битва.

Жизнь или девственность.

Жизнь или девственность.

Именно эту картину и застал Ван Ци, подкативший на мотоцикле: двое в чёрном и водитель лихорадочно стаскивали вниз одеяла и матрасы, а Чэн Пан торчал в оконном проёме и мотал головой из стороны в сторону.

Полчаса назад Цзи Ю написал ему в Вичат: этого жирного олуха опять похитили, на этот раз Чжоу Вэй.

Ван Ци поначалу не собирался никуда ехать. Его-то что каждый раз зовут? Он не Сунь Укун.

Сидел дома перед зеркалом — смотрел, смотрел несколько минут, а покоя всё не было. Всё-таки только что уехал от Цю Юя, бросив этого идиота на произвол судьбы. Словам Цзи Ю он не слишком верил, но на всякий случай решил заехать.

В окне — Чжоу Вэй, совсем близко.

Тридцать секунд размышлений — и Чэн Пан вынес вердикт:...пожалуй, жизнь всё-таки важнее. Жизнь — она одна! А хризантема нарастёт!

— Брат Вэй, подождите, я спускаюсь!

Чжоу Вэй, который было уже готов пойти навстречу: —...

— Б-брат Вэй, помогите, я до табурета не достаю.

Наблюдая, как толстая нога беспомощно болтается в воздухе, нашаривая опору, Чжоу Вэй почувствовал совершенно неожиданное желание — не спастись, а просто отвернуться и сделать вид, что ничего не происходит.

Он всё-таки шагнул вперёд, схватил Чэн Пана за руку, намереваясь втянуть его обратно. Да только незадача: перед этим Чжоу Вэй принял душ, и влага ещё не успела просохнуть — стены и подоконник были скользкими. Чэн Пан расслабился в самый неподходящий момент, пальцы сорвались — и он провалился вниз. Чжоу Вэй успел намертво стиснуть его запястье, но инерция дёрнула его самого к окну.

Получилась классическая сцена из кино: Чжоу Вэй одной рукой держит Чэн Пана, Чэн Пан болтается снаружи.

Ван Ци ещё до приезда был уверен, что с такого типа, как этот жиртрест, станется выкинуть что-нибудь в этом духе. Вот пожалуйста.

«Подловить у окна», третий раунд?

Он достал телефон, сфотографировал, отправил Цзи Ю.

Ван Ци: Мы всё-таки в романе, да?

Цзи Ю: Да.

Ван Ци: Значит, по законам жанра главному герою смерть не грозит — даже если упадёт, должен выжить?

Цзи Ю: Должен.

Ван Ци: Тогда я спокоен.

Ван Ци не просто не хотел спасать — он уже прикидывал, как бы тихо уйти.

Но не успел — Чжоу Вэй не удержал, и Чэн Пан в мгновение ока полетел вниз.

— Лю Бай!

Ван Ци, твёрдо намеревавшийся уйти, — едва услышал этот отчаянный крик, как тело сработало раньше мозга: он бросился вперёд, задрал голову и раскинул руки.

Чэн Пан сначала рухнул на навес — тот смягчил удар, — а затем точнёхонько угодил в подставленные ладони. В следующую секунду Ван Ци оказался под ним на земле.

— Ци-ци. — Чэн Пан торопливо вскарабкался и уставился на него. — Ты в порядке?

Ван Ци молча нахмурился.

— Ты приехал меня спасти... — Чэн Пан не на шутку растрогался — даже слёзы потёк вытирать. — Ты такой хороший, Ци-ци...

Ван Ци краем глаза отметил, как шкала симпатии над его головой скакнула с 65% до 83%, и бесстрастно произнёс:

— Хватит реветь, жиртрест. Вызывай скорую. Кажется, у меня нога сломана.

Жизнь доказывает: количество переломанных ног во вселенной — величина постоянная.

У кого ломались ноги из-за Чэн Пана — так это у его кавалеров.

Ван Ци тоже схлопотал перелом обеих ног — по той же причине, что и Цзи Ю: попал под Чэн Пана.

Мало того — его привезли в ту же больницу, в ту же палату и положили на соседнюю койку.

Цзи Ю повернул голову. Ван Ци повернул голову. Оба помолчали.

Наконец Цзи Ю издал короткое: «Ха».

«Теперь-то я понимаю, как ты ногу сломал», — и Ван Ци в тон ему: «Ха».

Чэн Пан сидел между двумя кроватями и смотрел на Ван Ци.

Ци-ци — прекраснейшая душа на свете. Самый добрый человек, которого он знает. Чэн Пан был так тронут, что, казалось, ни слов не хватит, ни сил. Сейчас он готов был выполнить любую его просьбу.

— Ци-ци, я... я даже не знаю, что сказать... — голос у него сел, в носу предательски зашипало. Он крепко сжал кулаки, глаза сверкнули. — Ты — ангел. Небо послало тебя, чтобы спасти меня.

Ван Ци тихонько усмехнулся. Ангел? Первый раз его так называют.

Комплиментов он не принимал:

— Принеси воды.

— Хорошо.

Едва Чэн Пан вышел за дверь, Цзи Ю завёл разговор:

— Я, если честно, не думал, что ты его спасёшь.

— Само получилось. Стечение обстоятельств.

— Ну-ну, — Цзи Ю хмыкнул. — Так или иначе — добро пожаловать в наш ад.

Ван Ци презрительно фыркнул.

Но внутри вопрос не давал покоя: и зачем он полез? Несколько дней мотался туда-сюда из-за этого типа, умудрился переломать ноги, ещё недавно насмехался над Цзи Ю, Чжоу Вэем и Цю Юем — и вот на тебе, сам в той же яме.

Он не из тех, кто жертвует собой ради других.

А всё равно рванул вперёд, не задумываясь. Сам не понял, как вышло.

Ван Ци запрокинул руку на лоб, закрыв глаза. Чтобы никто не прочитал по лицу то, в чём он ещё не хотел признаваться даже себе.

Кажется... он и правда влюбился.

Почему? Ну почему?!

Врач стиснул в руках обходной журнал и беззвучно кричал внутри себя.

Почему?! Почему этот гарем уживается в таком поразительном согласии?! Почему этот маленький жиртрест сломал четыре ноги, угробил шесть, — и при этом все наперебой его добиваются?! Почему он сам, убеждённый холостяк, лизал сапоги судьбы до тридцати лет и остался ни с чем, — тогда как этот в свои шестнадцать ухитряется плыть сразу на четырёх лодках, в обычное время гонять наперегонки, а в нужный момент идти на всех сразу под одним парусом?!

Почему?!

Медсестра растерянно смотрела вслед уходящему врачу:

—...Обход отменяется?

Тот обернулся с видом человека, повидавшего всё на свете:

— Отменяется. Сначала схожу найду себе учителя.

<http://bllate.org/book/17527/1699801>